

© Резанов Д. А.

В. И. Андреев. — Казань, 1988. — 237 с.

2. Басин Е. Я. Психология художественного творчества / Е. Я. Басин. — М. : Знание, 1985. — 64 с.

3. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества / Д. Б. Богоявленская. — Ростов : Издательство РГУ, 1989. — 176 с.

4. Бореев Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Бореев. — М. : Астрель, 2005. — 829 с.

5. Боринштейн Е. Р. Личность: ее языковые ценностные ориентации / Е. Р. Боринштейн, А. А. Кавалеров. — Одесса : Астропринт, 2001. — 163 с.

6. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — СПб. : Азбука, 2000. — 416 с.

7. Гераимчук И. М. Особенности творчества знаменитых личностей и возможности обучения им / И. М. Гераимчук // Вісник Національного технічного університету України. — 2007. — № 2. — Ч. 2. — 250 с.

8. Кривцун О. А. Эстетика / О. А. Кривцун. — М. : Аспект Пресс, 1998. — 269 с.

9. Міщиха Л. П. Креативний продукт у структурі творчої діяльності особистості / Л. П. Міщиха, С. П. Дем'янчук // Збірник наукових праць: філософія, соціологія, психологія. — 2008. — Випуск 13. — Частина 1. — С. 25-28.

10. Моляко В. А. Психология творческой деятельности / В. А. Моляко. — К. : Знание, 1978. — 47 с.

11. Пономарев Я. А. Психология творчества / Я. А. Пономарев. — М. : Наука, 1976. — 304 с.

12. Эфроимсон В. П. Загадка гениальности / В. П. Эфроимсон. — М. : Знание, 1991. — 45 с.

Резанов Д.А. – кафедра философии и социологии ГУ «ЮУНПУ им. К.Д.Ушинского»

УДК 172.4+171

ОТРИЦАНИЕ ВРЕМЕНИ В ФИЛОСОФИИ ДЖ.Э.МАКТАГГАРТА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЭТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Теория «несуществования времени» последнего британского неогегельянца Дж.Э.МакТаггарта рассматривается в качестве корректного подхода к исследованию темпоральных проблем с большими перспективами для философии времени. Несуществование времени тесно связано с вопросом о сущности зла, оба вопроса могут рассматриваться как взаимозависимые.

Ключевые слова: несуществование времени, временные серии, зло.

Заперечення часу у філософії Дж.Е.МакТаггарта і його значення для етичних досліджень.

Теорія «неіснування часу» останнього британського неогегельянца Дж.Е.МакТаггарта розглядається як коректний підхід у дослідженні темпоральних проблем з великими перспективами для філософії часу. Неіснування часу тісно пов'язане з питанням про сутність зла, обидва питання можуть розглядатися як взаємозалежні.

Ключові слова: неіснування часу, часові серії, зло.

Time negation in McTaggart's philosophy and its value for ethical studies. "Un-temporalism" of last british neohegelian thinker is considered as the correct way to research temporal issues with the big prospects for philosophy of time. Time inexistence has meaningful links with question on essence of evil and both questions can be considered as interdependent topics.

Key words: inexistence of time, time series, evil

Вопрос о существовании и сущности времени представляет собой особенно интересный пример переплетения положительных и отрицательных ходов мысли. Ведь одним из главных отличий западного и восточного мышления является мера отрицания. Если, начиная с досократиков, западная мысль стремилась к утверждению, расширению и обогащению знания, то Восток видел главную задачу философствования не просто в отрицании, но и полном уничтожении того, что казалось ему несуществующим или кажущимся. Столь резкое разведение двух типов мысли, конечно, очень грубо и упрощенно: и среди западных мыслителей (прежде всего мистиков) были «отрицатели», и среди восточных духовных исследователей были люди утверждения (например, конфуцианцы). Но все же самое общее и существенное определение разрыва мысли между Западом и Востоком, как

противоположности стремлений к утверждению и отрицанию допустимо и эвристически ценно. Именно вопрос о существовании/не существовании времени можно считать крупнейшим водоразделом между двумя философскими мирами.

Время не только одно из основных понятий человеческого познания, но и наиболее интимно близкий процесс нашей внутренней жизни. После двухвекового затишья, наступившего после установления классической научной картины мира в «Principia» Ньютона, в начале прошлого века произошло «переоткрытие времени», причем как в философии, так и в науке. Новое представление о времени лежало в основе релятивистской революции в физике (Минковский, Пуанкаре). «Отказ от признания Божественного наблюдателя и замена его человеческим индивидом («человеческим глазом») составляет подлинную основу той научной революции, которая совершилась на рубеже XIX-XX вв.» [1, с. 259] Наиболее влиятельные философы 20 века – Бергсон, Гуссерль, Хайдеггер, Витгенштейн, Сартр, Мерло-Понти, Делез – все построили собственные теории времени. Заново увиденное Время вдохновляло новые направления живописи (кубизм, супрематизм, сюрреализм), музыки (Дебюсси, Скрябин) и литературы (Белый, Пруст, Джойс). Становление киноэстетики было бы невысказано без пересмотра феномена зрительского восприятия времени. Время было главным интересом 20 века, также как главным интересом 19 века было пространство (колониализм, путешествия натуралистов, неэвклидова геометрия). Причем на первый план выступило внутреннее, психологическое, человеческое время, время личности, а не мира.

На этом фоне особенно странно выглядела малоизвестная и не слишком популярная традиция в западной философии – традиция критики понятия времени. Между тем, эта традиция ведет свое начало если не с Зенона, то, по крайней мере, с софистов. Крупнейшим представителем «времяотрицания» в античности был некто иной, как Секст Эмпирик. Затем подобные исследования и утверждения резко «вышли из моды», в связи с необходимо-историческим характером христианского учения. Августин особенно ярко выделил время, как измерение конечного духа в его отношениях с Богом. Время было необходимым атрибутом сотворенного мира, а его отрицание сродни ереси. Оставляя в стороне скептицизм Монтеня, можно утверждать, что крупнейшим критиком времени в новой философии был Лейбниц. Именно его полемика с ньютоном Кларком стала классическим примером столкновения естественнонаучного и метафизического взглядов на природу времени. Как известно, Лейбниц, выиграв спор по существу, проиграл его в глазах широкой публики. Мнимое «поражение» Лейбница дало повод Вольтеру, а за ним и всему Просвещению сделать окончательный выбор в пользу механической картины мира, которую предлагал Ньютон. Время окончательно заняло абсолютное место в западном мировоззрении.

Возрождение интереса к «временной» тематике в философии 20 века вызвало и обратное движение. Крупнейшим представителем «отрицательной» школы стал Джон Эллис МакТаггарт – последний британский неогегельянец и один из крупнейших метафизиков своего времени. Еще в 1908 году (то есть всего через год после главного труда Бергсона, своего рода манифеста нового понимания времени!) в журнале «Майнд» была напечатана небольшая статья философа о нереальности времени. Вызвав некоторое движение среди англоязычных авторов, она однако была быстро оттеснена в сторону, как идеалистический курьез. Но даже после того, как в 1927 году (то есть - опять совпадение - в год выхода другого манифеста времени – «Бытия и времени» Хайдеггера!) расширенное изложение той же теории появилось в посмертно изданном втором томе главного произведения МакТаггарта «Сущность существования», интерес к этой теории был невысоким. Несколько десятилетий и книга, и автор представлялись почти забытыми. Но в 1960-70е годы с появлением отдельной дисциплины в англо-американской т.н. «аналитической» философии – философии времени, методы и выводы МакТаггарта вновь оказались в центре внимания и вскоре были признаны классическими. Разумеется, никто и не собирался признавать, что времени не существует, речь шла лишь о том, что понятия, введенные философом, прежде всего понятие «временных серий», могут быть с успехом применены для разрешения новых вопросов. Так или иначе, без упоминания, а то и развернутой критики этой теории, отныне не обходится ни одно серьезное издание по проблемам времени.

Представляется актуальным кратко рассмотреть развитие аргументации в пользу несуществования времени. На примере МакТаггарта мы можем обнаружить возможные пути исследования и разрешения проблемы существования времени, которая, безусловно, относится к числу основных вопросов онтологии и теории познания. Как показывает современный комментатор, все выдвинутые против теории несуществования времени аргументы, представляют собой лингвистические уловки и сами уязвимы перед теми противоречиями, о которых говорил МакТаггарт.

«Теория ненаправленного времени опространстливает (spatializes) временной покой, тогда как теория направленного времени атомизирует временное изменение» [3, с. 157]. Обе эти «противотеории» не выходят из круга А- и В-серий, которые, во всяком случае, были опровергнуты МакТаггартом, как противоречивые. Его доводы против времени по-прежнему актуальны и предлагают богатый материал для мысли.

Положение МакТаггарта в философии обычно связывают с неогегельянством. Однако это не вполне точно. Хотя МакТаггарт разделял основные положения британского идеализма, его прочтение немецких классиков не было догматическим. Большинство его книг до «Сущности существования» было посвящено изложению и, главное, *преодолению* гегелевской диалектики. Для него, так же как, например, для Бенедетто Кроче, главная проблема заключалась в ограниченности метода Гегеля резкими контрадикторными границами. Кроче построил логику различий, пытаясь заменить слишком резкие границы диалектического движения, где противоположности насильственно «снимались», растворяясь в синтезе без остатка. МакТаггарт исходил из того, что гегелевская логика, на словах отделенная от формальной, в скрытом виде сохраняла множество её предпосылок. Она может описывать сложные процессы, но не может построить простых фактов. Такие факты принимаются некритически как сущие. Такова, в частности, Абсолютная Идея, ничем диалектически не обоснованная. Поэтому, оставаясь приверженцем спекулятивной философии и соглашаясь с Гегелем в его критике кантовского отрицания интеллектуальной интуиции, МакТаггарт возвращается к Лейбницу в поисках устойчивой метафизической схемы. Таков его парадоксальный образ – гегельянец-монадолог.

Восприняв метафизику Лейбница, философ оказался перед необходимостью разрешить старую проблему о сущности и существовании времени. Для исследования вопроса, по его мнению, необходимы совершенно новые понятия. Прежде всего, необходимо заменить деление времени на три измерения на более адекватное явлениям. В качестве такого адекватного понятия МакТаггарт вводит свои «временные серии» Этих серий много. Рассмотрим их подробнее.

«Каждое положение существует Раньше или Позже, чем некоторые другие позиции. Образование подобной серии требует переходного (transitive) ассиметричного отношения» [2, 9; здесь и далее перевод мой – Д.Р.] Подобные серии последовательного одностороннего изменения называются В-сериями. В них изменения происходят чисто нумерически, в порядке рядоположности. Внутреннее строение событий, вовлеченных в В-серии, несущественно. Однако в реальности именно такое строение определяет значимость изменения. «Возьмем любое событие, например, смерть королевы Анны, и рассмотрим, что изменится в его описании. Это смерть, это смерть королевы Анны, у неё есть определенные причины, у неё есть определенные последствия, которые никогда не изменятся. «Прежде, чем звезды увидели друг друга», уже была смерть королевы Анны. В последний момент времени, если у времени вообще есть последний момент, это по-прежнему будет смерть королевы. И во всех отношениях, кроме одного, она не подвластна изменениям. Но в одном отношении она меняется. Вначале она была событием далекого будущего. Каждое мгновение она становилось событием ближайшего будущего. Наконец, она стала настоящим. Затем она стала прошлым и всегда будет оставаться прошлым, хотя с каждым мгновением она становится все более отдаленным прошлым (further and further past)» [2, с. 13]

Такое реальное изменение МакТаггарт называет А-серией. В отличие от В-серий у нее есть три несводимых измерения, взаимодействие между которыми производит изменение объектов, которые мы воспринимаем как время. А-серии первичны, а В-серии – вторичны и зависят от первых, отсюда их буквенные обозначения.

В-серии не могут считаться временными сериями, и все же именно с их помощью обыденное сознание понимает время. «Прошлое всегда изменяется, если допустить, что А-серии вообще существуют. Это следует отметить, поскольку многие люди сочетают взгляд, по которому существуют А-серии [то есть время], со взглядом, что прошлое не может измениться, несочетаемая комбинация.» [2, с. 13]

Что такое Прошлое, Настоящее и Будущее – качества или отношения? Отношения, обладающие качествами, ответ МакТаггарта. Но отношения к чему? «А-серии находятся в отношении зависимости от элемента за пределами А-серий. Этот элемент сам по себе не может находиться во времени и все же должен быть таков, что различные отношения к нему определяют другие элементы этих серий, как прошлое, настоящее и будущее.» [2, с. 20]

Дело в том, что эти три понятия являются несовместимыми определениями времени. Событие может находиться либо в прошлом, либо в настоящем, либо в будущем, но не может быть

одновременно в двух и более измерениях. Тем не менее, как мы знаем из опыта, все вещи находятся во всех трех измерениях.

«Моменты будущего, в котором события являются прошлым, равноценно являются моментами прошлого, в котором они не могут быть таковыми.» [2, с. 21] Начинается порочный круг: применение определений «прошлый», «настоящий», «будущий» по отношению к элементам серий ведет к противоречию, пока мы не уточним, что эти элементы определяются так *последовательно*. То есть сначала в будущем, затем в настоящем и, наконец, в прошлом. Но что значит быть «прошлым» в прошлом? Мы снова попадаем в круг. Кроме того, последовательность означает не что иное, как В-серии, о которых МакТаггарт говорит как о геометрической иллюзии, поскольку во времени нет предела становления. В строгом смысле, никакой последовательности нет и быть не может. Остаются А-серии. Но:

«Существование А-серий ведет к противоречию и должно быть отвергнуто. А поскольку мы пришли к выводу, что изменение и время нуждаются в А-сериях, то возможность изменения и времени также должна быть отброшена. Нет и В-серий, которые нуждаются во времени, чтобы существовать. Ничто не может быть в действительности настоящим, прошедшим или будущим. Ничто в действительности не является предшествующим или последующим, ничто не является одновременным с другим. Ничто не изменяется. Ничто не находится во времени. Когда бы мы ни воспринимали что-либо во времени, а это единственный способ восприятия в нашем теперешнем опыте, мы более или менее воспринимаем вещи не так, как они существуют.» [2, с. 22]

МакТаггарт также замечает, что абсолютное настоящее невозможно. Существуют лишь особые или *видовые настоящие* - «specious presents». У каждого сознания свое настоящее, независимое от других. Иными словами, есть множество А-серий, в которых одно и то же событие может одновременно быть настоящим, прошлым и будущим. Но эти три измерения не могут принадлежать одной и той же вещи, как не может быть Сократ сразу и мертвым и живым. Как уже было сказано, критерием «временности» служит внешний объект, точка зрения на события, с которой они могут называться прошлыми, настоящими и будущими. Время (А-серии) не может быть критерием самого себя, поскольку оно само не является событием. Об этом часто склонны забывать.

«Настоящее, через которое проходят действительные события, таким образом, не может быть определено как одновременное (simultaneous) с особым настоящим. Если оно обладает длительностью, то это должна быть независимо устойчивая (independently fixed) длительность. А она не может быть независимо устойчивой и при этом быть равной длительностям всех видовых настоящих, потому что видовые настоящие не могут иметь одну и ту же длительность.» [2, с. 28] Это, кстати, тяжелый удар по философии Бергсона, мыслившего время именно в качестве «независимо устойчивой», хотя и становящейся длительности.

Итак, времени не существует.

А что же существует? По МакТаггарту существуют С-серии. Действительные серии событий, иллюзорно воспринимаемые как время. «Иллюзия состоит в нашем приложении А-серий к событиям и последующее представление о С-сериях как о В-сериях, представление об отношениях, каковы бы они ни были, между членами С-серий, как об отношениях предшествующего и последующего.» [2, с. 30]

Как мы помним из предшествующего, А-серии и Б-серии существуют «для нас» прежде С-серий, но «по природе» С-серии первичны и не нуждаются в первых двух. Следовательно, А- и Б-серии – ошибки восприятия. И поскольку эти серии существуют во множественном числе, возможность ошибок возрастает до бесконечности.

«Существует столько временных серий, сколько и самостей (selves), которые воспринимают вещи во времени, единственные реальные серии это серии невосприятий (misperceptions) в сознании. Строго говоря, никакое время не может быть общим для двух самостей.» [2, с. 214] Таким образом, существуют только логические серии вместо кажущихся временных серий! Потому что само понятие «невосприятия» или смутного восприятия является чисто логическим. Однако происхождение этого «невосприятия» связано не только с логикой, но и с геометрией.

«Всякое невосприятие должно быть членом некоего множества частей (set of parts) правильного восприятия, притом так, чтобы ни одно из (невосприятий) не могло быть членом одного и того же множества частей.» [2, с. 237] МакТаггарт вводит математическое понятие множества для иллюстрации труднопредставимых отношений субстанций, но толкует его не как абстрактное понятие, а как реальный геометрический объект.

«Свойства бытия во времени и бытия части воспринимаемого целого не могут восприниматься

вместе, до тех пор, пока целое не воспринимается как сущее во времени» [2, с. 230]. Но целое (или субстанция) не может восприниматься как сущее во времени, иначе оно перестанет быть целым. Этого требует, среди прочего, и теория бессмертия самого МакТаггарта, для него неуничтожимость самости связана именно с неделимостью последнего мгновения её существования. Значит, наше восприятие целого во времени – иллюзия. Эта иллюзия находит объяснение в идеальном строении субстанций.

«Ничто иное, как отношения «включенности в» и «включающего в себя» являются тем, что кажется нам отношениями «раньше чем» и «позже чем», и я не могу представить иных отношений в С-сериях» [2, с. 240]. Тут возникает важное заключение о природе межсубстанциальных отношений, а именно то, что различные самости могут обладать совпадающими С-сериями, в отличие от иллюзорных временных серий, которые у всех разные. Это важно, потому что указывает на множественность субстанций (иначе откуда взялись бы события, составляющие моменты С-серий) и потому, что приводит нас к рассмотрению объективных, абсолютных, вневременных отношений между субстанциями, каковы отношения оказываются пространственными.

«Существование серий интенсивных величин [то есть серий последовательного изменения, которые воспринимаются как время – Д.Р.] предполагает существование серий экстенсивных величин. Один из двух членов С-серий всегда включает в себя другой. Включение не означает тождество. Поэтому во включающем должно быть больше бытия, чем во включенном» [2, с. 241]. Следовательно, основное определение С-серий - это направление событий от *меньшего включения к большему включению*. Или, иначе, развития от части к целому. Абсолютное Целое это мир. Субстанции или самости суть относительные или несовершенные целостности, стремящиеся к совершенству или бессмертию. Для обозначения действительного изменения между субстанциями, МакТаггарт вводит новый (и последний) вид серий – G серии. Положение элемента в таких сериях определяется величиной содержания целого внутри данного элемента: если он включает в себе больше других элементов, он будет находиться ближе к центру Абсолютного Целого или Бытия; если он беден внутренними включениями, то будет находиться ближе к концам элементарных цепей. То есть критерием развития субстанции является сложность и богатство её элементов, которые, в свою очередь сами оказываются субстанциями и так до бесконечности. Наглядно это можно представить как разницу в строении – медуза проще человека, но сложнее амёбы, амёба сложнее химических соединений из которых она составлена, эти соединения сложнее отдельных молекул. Эта цепочка упрощения и усложнения уходит в бесконечность. Мы не можем знать ни первого, ни последнего звена, но догадываемся об их существовании. Это связано с *невозможностью созерцания целого*. Целое всегда присутствует в нашем опыте частично, в виде действительных и кажущихся серий событий. Если бы мы могли созерцать всю бесконечную цепь G-серий, то это созерцание было бы вечным. Вечным Настоящим. Но в действительности такое созерцание уже не могло бы быть созерцанием, это было бы уже чистое Бытие. До тех пор, пока существуют отдельные субстанции-самости, Целое чистого бытия будет восприниматься как будущее. Значит, восприниматься с помощью иллюзии времени.

«Природа иллюзии времени такова, что с точки зрения каждого элемента серии невосприятий всё, что находится с одной стороны этого элемента в С-серии, является нам как будущее и все, что находится с другой стороны – как прошлое, при этом сам этот элемент является как настоящее. Нет серий событий, но только вневременные серии невосприятий, которые воспринимают серии вневременных существований как бытие во времени.» [2, с. 271-273] Такова окончательная формула отрицания времени у МакТаггарта. Она очевидно несовершенна. В ней вновь возвращаются те самые остатки времени, которые так тщательно были вычищены в ходе доказательства его невозможности. Ибо что значит «с одной стороны» и «с другой стороны» в применении к субстанциям, включающим или включаемым друг в друга? Включение множества частей не предполагает сторон, такая операция предполагает полное поглощение, гегелевское «снятие» отдельных элементов. Неудовлетворительно и объяснение иллюзии настоящего – вопрос как раз и заключался в том, почему то или иное положение элемента в серии воспринимается как настоящее время. Сказать, что это связано с положением субстанции в центре цепи невосприятий, значит впасть в порочный круг, ибо нас именно и интересует, что такое «центр серии». Даже если мы представим серии невосприятий как бесконечный пучок свернутых цепей внутри некоего шарообразного целого, то мы не получим ответа на вопрос: где начало и конец цепочек серии для конкретной самости. Кто *затупал* эти цепи отношений?

Единственный возможный ответ в рамках философии МакТаггарта, который я нахожу в скрытой логике его мышления, но который он сам нигде не использовал и который, возможно, он не

признал бы своим, заключается в следующем. Начало и конец серий *невосприятости*, иллюзорных временных серий (А и В) может находиться и находится только в самих самостях. Именно они и являются причиной множественности событий и множественности восприятий. Именно их феноменальное появление в мире может определять начало и конец той или иной временной серии. А поскольку мы имеем право предполагать, что число субстанций бесконечно, то появляется бесконечное множество пересечений событий и восприятий между ними. Эти пересечения и перемешивания создают иллюзию времени. Неожиданным выводом всей философии МакТаггарта может оказаться определение времени как принципа иллюзорной индивидуации.

Как видно из этого разбора внутренних логических проблем феномена времени, чем больше затруднений философы находят в этом понятии, тем сильнее оно вторгается в их построения, зачастую ставя под вопрос цельность и непротиворечивость всей системы. Время – небезопасный предмет исследования, малейшая неточность или двусмысленность приводит к полному иррационализму. Просто отбросить время с помощью логики невозможно, ибо время – *нелогично*. Секст Эмпирик показал, что все существовавшие в его эпоху определения времени бессмысленны и тавтологичны. Лейбниц усомнился в необходимости времени для науки и теологии. МакТаггарт поставил в зависимость от несуществования времен такой ключевой вопрос метафизики как бессмертие. И все же никто из них не захотел исследовать время как неизбежное явление человеческого опыта. Ведь время находится для нас в таком же загадочном положении, как и сновидение: мы знаем, что это *такое*, потому что все мы переживали его, но никто не смог найти окончательное объяснение того, *что* это такое. Сны не существуют, и все же мы их помним. Время не существует, и все же мы *теряем* его. Следовательно, мы, если только хотим сохранить богатство и многообразие нашего опыта, не можем устранить это явление чисто логическими выкладками. Ясно, что время не вещь, не субстанция и не процесс материального мира. Но оно необходимое следствие нашего способа познания и действия. Притом, и это особенно важно, время нельзя считать этически безразличным явлением, оно связано с чувством необратимости.

В своих этических исследованиях я пришел к ряду заключений о природе зла, которые, как будет видно из их содержания, имеют некоторое значения для вопроса о существовании и сущности времени.

«Самые общие формальные положения, к которым может подойти исследование зла таковы:

- 1) зло случайно, причинность в отношении к нему бессмысленное понятие;
- 2) зло едино, оно обладает, но не получает;
- 3) зло находится вне мира и только оно и есть это самое «вне»;
- 4) зло не существует;
- 5) зло полностью присутствует всюду, но не обязательно действует, а когда действует - не присутствует;
- 6) зло подчиняется самому себе, следовательно, ничему не подчиняется;
- 7) зло повторяется;
- 8) зло не может победить добро, потому что оно не знает, что это такое;
- 9) зло ограничено свободой, у нее только одно направление движения;
- 10) **зло это время»**

Несомненно, каждое из этих положений требует дополнительных объяснений. Но сейчас достаточно будет продолжить дефинитивную цепь от последнего приведенного тезиса к первому тезису будущего исследования. Эта цепь такова: зло есть несовершенство, несовершенство есть косность, косность есть мера бездействия или невозможности. Поэтому последним выводом нашего рассмотрения будет такое предварительное определение времени – *время есть мера косности или восприятие несоответствия души и тела*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006.
2. McTaggart, J.E. The Nature of Existence, vol.II. Cambridge: Cambridge University Press, 1927.
3. McLure, R. The Philosophy of Time. London & New York: Routledge, 2005

© Окорокова В. В.

Окорокова В. В. – старший викладач кафедри всесвітньої історії Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського.

УДК: 141+321.07

СИСТЕМА МАРКСИСТСЬКОЇ СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКОЇ ПАРАДИГМИ В РАДЯНСЬКІЙ НАУЦІ ЩОДО ВИВЧЕННЯ УТОПІЇ

Стаття присвячена дослідженню однієї з тих проблем, які в сучасній науковій думці викликають неоднозначну оцінку серед вчених. А саме, в роботі розкривається специфіка соціально-філософського розуміння утопії в радянській науці, наголос поставлено на значний вплив марксистського ідеологічного спрямування як парадигми тогочасного суспільного буття. Автор звертає окрему увагу на дискусії з приводу вивчення утопії, робить акцент на ті питання, що загострювали процес їх вирішення. Як наслідок, в статті відзначено позитивні та негативні риси даного наукового підходу.

Ключові слова: утопія, соціальна утопія, «утопічний комунізм», «утопічний соціалізм».

Статья посвящена исследованию одной из тех проблем, которые в современной научной мысли вызывают неоднозначную оценку среди ученых. А именно, в работе раскрывается специфика социально-философского понимания утопии в советской науке, ударение поставлено на значительное влияние марксистского направления как парадигмы тогдашнего общественного бытия. Автор обращает отдельное внимание на дискуссии по поводу изучения утопии, ставит акцент на те вопросы, которые обостряли процесс их решения. В качестве итога, в статье отмечены положительные и негативные черты данного научного подхода.

Ключевые слова: утопия, социальная утопия, «утопический коммунизм», «утопический социализм».

Article is devoted research of one of those problems which in modern scientific thought cause an ambiguous estimation among scientists. Namely, in work specificity of socially-philosophical understanding of a Utopia in the Soviet science reveals, the accent is put on considerable influence of a Marxist direction as paradigms of then social being. The author pays separate attention to discussions concerning Utopia studying, focuses attention to those questions which aggravated process of their decision. As a result, in article positive and negative lines of the given scientific approach are noted.

The Keywords: utopia, social utopia, "utopian communism", "utopian socialism".

В сучасній науці, особливо це стосується країн пострадянського простору, дослідження утопії переживає ніби другий спалах. Причому інтенсивність наукових підходів збільшується в прямій залежності від умов розвитку теперішнього суспільства, людської цивілізації. На поверхню самої проблеми впливають питання, які до цього часу або не привертали увагу серед науковців, або просто не відповідали вимогам тогочасного соціально-політичного буття. Це й пояснює те, що в наш час ми можемо помітити широке використання таких понять як "утопічна свідомість", "утопізм", "соціальна утопія". Причому, кожен з авторів вкладає в ці дефініції власне розуміння, що знову ж таки підпорядковано певній тематиці досліджень. В результаті на сьогоднішній день склалася така ситуація в сфері дослідження проблем утопії, що не можливо віднайти єдиного зрозумілого підходу до її вивчення. Це в свою чергу значно актуалізує самий процес дослідження утопії, збільшує інтерес серед науковців та сприяє її живучості в галузі актуальних питань.

Проте, не дивлячись на означений вище постійно зростаючий інтерес до вивчення утопії як феномену людської культури, все ж історія її дослідження має суперечливий відтінок. З одного боку, дійсно, ми можемо виокремити велику кількість концепцій в галузі не тільки філософії, а й соціології, історії, культурології, політології та навіть в психологічній сфері. Але з іншого – не можливо відкинути того факту, що самий характер наукового підходу до розуміння цього явища нерідко підпадав під великий вплив пануючої ідеології, що перешкоджало більш різнобічному її дослідженню. Яскравим прикладом цієї обставини виступає специфіка радянського наукового підходу стосовно розуміння утопії. Тут простежується жорстка парадигмальна система оцінки самого явища утопії в історії суспільства. Особливо чітко це проявляється в першій половині ХХ століття, коли стан дослідження проблем утопічного знаходився під орудою пануючої марксистської ідеології, яка створювала певні дослідницькі межі, вихід з яких не підтримувався. Виходячи з вказаної проблеми, сучасні дослідники Т. І. Ойзерман, Т. В. Розова, О. Л. Черткова критикують радянських дослідників